

Что-то было не так, Его Высочество никогда раньше не проявлял такой заботы о ком-либо?

Цзи Цзюэ задумался, вспомнив о слабом теле, и снова напомнил:

— Отдайте ему теплую одежду, которую я ношу в самые холодные дни.

— Ту, которую вы обычно носите? — удивилась Люй Ци.

— Да.

— Тот собольий плащ? И ту серебряную лисью шаль? И их тоже?

— Их тоже.

Люй Ци чуть не подошла, чтобы потрогать лоб пятого принца.

— Вы даете ему, а он осмелится надеть?

Однако она услышала только сегодняшний капризный голос Его Высочества:

— Осмелится.

— Если он вдруг наденет роскошную одежду, его личность... Ваше Высочество, слишком много глаз следят.

— Что касается личности, пусть он сам решает.

Раскрыть или не раскрыть — это ведь решение самого Цзян Юаня, не так ли?

Певица только запомнила.

Ладно, как скажете.

Она лениво провела пальцами по струнам пипы, видя, что Его Высочество не хочет слушать, встала, поклонилась и вышла.

Какие-то сложные дела.

Цзинь Инь в комнате Люй Ци, увидев список, чуть не вытаращила глаза.

— Всё это Его Высочество подарил тебе?!

Люй Ци, прикрыв губы рукой, с легким кокетством и долей гордости кивнула.

Цзинь Инь снова взглянула на список и тоже засмеялась:

— Сестра Люй Ци.

— Да? — певица слегка приподняла бровь.

— Эту... серебряную лисью шаль... можно мне надеть? Только на чуть-чуть?

Певица покачала головой:

— Ее Высочество подарил мне, я должна беречь ее.

— Слушай, Люй Ци, эта заколка, которую я тебе одолжила, это же подарок покойной императрицы, — притворно надулась Цзинь Инь.

Люй Ци тут же схватила Цзинь Инь за рукав, слегка потрясла и бросила на нее очаровательный взгляд, умоляя:

— Хорошая сестра, в следующий раз, когда что-то хорошее будет, я сразу тебе отдам.

Цзинь Инь фыркнула:

— Только и умеешь, что кокетничать.

— Тебе же это нравится, — тоже засмеялась Люй Ци.

— Ладно, ладно, не будем мешать нашей звезде резиденции, я пойду, вещи принесу тебе позже.

Люй Ци кивнула с улыбкой, не провожая ее.

Как только Цзинь Инь вышла, улыбка Люй Ци исчезла.

— Если бы эта шаль действительно была для меня, я бы тебе дала. Его Высочество, эх...

Люй Ци закатила глаза.

Чем же так особенна Тень Шесть?

Цзян Юань получил несколько отличных вещей, дворцовый чай, соболий плащ, серебряную лисью шаль и еще несколько мелочей.

Уголь в гостинице, похоже, тоже тайком заменили, и его любимый аромат начал распространяться.

Он поднял глаза и увидел свой привычный Бо Шань Ло и слегка странное лицо Цянь Эрлана.

Цянь Эрлан сидел напротив него, подперев подбородок руками, и смотрел на него с подозрением.

Цянь Эрлан всегда чувствовал, что в Цзи Цзюэ было что-то странное.

Не говоря уже о том, что Цзи Цзюэ показал ему свою силу — это можно было объяснить природным талантом, но отношения Цзи Цзюэ и пятого принца были действительно загадочными.

Он и Цзи Цзюэ росли вместе, знали друг друга с детства, и он знал, что Цзи Цзюэ никогда не покидал Ечэн, и это был его первый приезд в столицу. До этого он никогда не видел пятого принца.

Даже если Цзи Цзюэ видел портрет пятого принца, а пятый принц видел портрет Цзи Цзюэ, пятый принц вряд ли обратил бы внимание на такого маленького человека, как Цзи Цзюэ.

Но в тот день их карета столкнулась с каретой пятого принца.

Цзи Цзюэ увидел лицо пятого принца и подарил ему цветы, а пятый принц их принял.

И тут же последовал секретный приказ, чтобы его, Цянь Эрлана, устроили с комфортом и накормили?

Хотя они были из разных отделов, и Цзи Цзюэ, зная его истинную личность, молчал, они были почти равны по статусу, как же получилось, что теперь он должен служить Цзи Цзюэ?

Цянь Эрлан снова осмотрел обстановку гостиницы и посмотрел на красивое лицо Цзи Цзюэ, решив ничего не спрашивать.

Он налил Цзи Цзюэ чаю, и тот спокойно принял его, не проявляя ни капли неловкости.

Цянь Эрлан сам выпил чашку хорошего чая, чувствуя, что этот приказ был не так уж плох.

— Он хочет встретиться с тобой, — сказал Цянь Эрлан.

Цзян Юань кивнул:

— Когда?

— Через два дня, — ответил Цянь Эрлан, чувствуя, как любопытство, словно кошачья лапа, щекочет его сердце.

Цзян Юань кивнул, затем опустил голову.

Меньше слов — меньше ошибок, Цзи Цзюэ был холоден и немногословен, и его поведение не должно было вызвать подозрений у Цянь Эрлана.

— Мне нужно практиковаться в написании эссе, — сказал Цзян Юань.

Цянь Эрлан понял, что это намек на то, чтобы уйти, взял несколько кусочков абрикоса со стола Цзи Цзюэ, восхищаясь тем, что в это время года можно есть абрикосы, и что жизнь Цзи Цзюэ действительно завидная.

Цзян Юань писал эссе, думая, что он лишь временно вспоминает старые навыки, и чувствовал легкую грусть — он все еще... в форме, верно?

Он зевнул.

Его номинальный отец любил цветистые тексты, поэтому он писал статьи, полные красивых слов — такие эссе были скучными — лучше бы заняться чем-то полезным.

Он вспомнил всех тех, кто становился лучшими на экзаменах, и снова взялся за дело.

Он уже был готов к тому, что, если ничего не изменится, ему придется сдавать экзамены за Цзи Цзюэ, хотя это заставляло его чувствовать себя неловко. И из-за несправедливости к другим кандидатам, и из-за несправедливости к самому Цзи Цзюэ — талант Цзи Цзюэ не требовал замены.

Он с тоской подумал о том, когда же они смогут вернуться в свои тела.

Закончив писать эссе, он получил приглашение на поэтический вечер от третьего принца Цзян Цзяня.

Этот Цзян Цзянь был сыном наложницы Лю, и он был интересным персонажем. С детства он

любил литературу и искусство, увлекался поэзией и музыкой. Если сказать, что он был просто любителем, то он все же обладал некоторыми талантами — хотя его характер был далек от идеального.

Цзян Цзань плохо справлялся с государственными делами, предпочитая заниматься искусством и театром, и часто получал выговоры от императора, который ругал его за то, что он не идет по правильному пути.

Но что с того? В правительстве и за его пределами глаза у всех были зоркие. Получать выговоры означало, что император все же замечал его. А Цзян Юань, который что бы ни делал, оставался незамеченным, был действительно безнадежен.

Цзян Юань знал, что в душе император все же ценил любителей литературы и поэзии, и, хотя он ругал их, в глубине души он был доволен.

Цзян Цзань, вероятно, был самым похожим на императора из всех принцев.

Несколько дней назад старший сын канцлера Чжэн был отправлен из столицы, и Цзян Цзань, провожая его, написал стихотворение, полное печали и тоски, словно Чжэн отправлялся не в богатый и процветающий Цзинчжоу, а в болота юга, полные болезней.

Поэзия была искусством, а он написал так, словно Чжэн был сослан и никогда не вернется, с легким намеком на проклятие. Это распространилось, и многие, кто видел это, почувствовали, что он дразнит канцлера Чжэн.

Ведь в последние годы канцлер Чжэн начал склоняться к четвертому и шестому принцам, которые были на стороне императрицы.

Цзян Юань считал, что Цзян Цзань не был слишком умен. Канцлер Чжэн был влиятельным человеком на протяжении десятилетий, его власть была обширной, и его прозвище «Половина двора» ходило в народе. Если бы он захотел создать проблемы Цзян Цзаню, тот вряд ли бы справился.

Кто знает, о чем думал Цзян Цзань?

Цзян Юань чувствовал, что ему душно в гостинице, и решил сходить на поэтический вечер, чтобы, возможно, завести несколько полезных знакомств для Цзи Цзюэ...

Нет, Цзи Цзюэ не нуждается в связях.

Он положил позолоченное приглашение в самый низ ящика. Написал ответ, что он устал от дороги, не привык к местному климату, занят подготовкой к экзаменам и простудился, поэтому нуждается в отдыхе.

Затем он взял тарелку с кусочками абрикоса, сел на кровать, скрестив ноги, взял сборник эссе и снова начал свой ленивый день.

На следующий вечер Цянь Эрлан снова зашел к Цзян Юаню.

— Что случилось? — строго спросил Цзян Юань, обернувшись.

Цянь Эрлан слегка вздрогнул, чувствуя, что Цзи Цзюэ изменился.

Цзян Юань был человеком, который любил улыбаться, но он думал, что если он будет вести

себя как Цзи Цзюэ, то станет похожим на него.

Душа — это странная вещь, и врожденная, и воспитанная с годами, она создает уникальную ауру. Когда Цзи Цзюэ был строг, он излучал холодную отстраненность, словно был существом из другого мира. А когда Цзян Юань был строг, он тоже выделялся, но его холод был не отчуждением, а властной силой, исходящей изнутри.

Лев, даже если он спит десять лет, не станет кошкой.

<http://bllate.org/book/16201/1454000>